

Из
НЕОПУБЛИКОВАННОГО
И ЗАБЫТОГО

ПИСЬМА

Портрет В. Г. Гиляров-
ского: «Дядя Гиляй». Ху-
дожник Валерий ЧУМА-
КОВ.

ГИЛЯРОВСКОГО НА СЕВЕР

В фондах Вологодского областного краеведческого музея среди материалов, относящихся к жизни и творчеству земляка вологжан — известного русского писателя и журналиста Владимира Алексеевича Гиляровского, хранятся два его письма. Оба они адресованы литератору Александру Никаноровичу Зуеву, другу В. А. Гиляровского, находившемуся тогда, как видно из текста письма от 15 июня 1934 года, в Шенкурске Архангельской области.

Второе письмо, написанное карандашом, без даты. Лишь в левом верхнем углу первой страницы помечено, очевидно, рукою А. Н. Зуева: «Последнее письмо». В октябре 1935 года В. А. Гиляровского не стало. В своих последних письмах на родной для него Север он с теплой грустью вспоминает о своем вологодском детстве, мысленно возвращается на родину и признается в неизменной любви к

поэзии, которой был верен в течение всей своей яркой жизни.

Адресат дяди Гиляя — известный писатель и журналист Александр Никанорович Зуев (1896—1965) — человек интересной судьбы. Он был активным участником гражданской войны на Севере, работал в журнале «Рабоче-крестьянский корреспондент», сотрудником газеты «Правда» в то время, когда там работала Мария Ильинична Ульянова.

А. Н. Зуев, автор нескольких книг повестей и рассказов, в свое время возглавлял отдел прозы журнала «Дружба народов». От него-то и поступили в Вологодский краеведческий музей письма В. А. Гиляровского, которые предлагаются вниманию читателей «Литературной России».

Александр ГРЯЗЕВ

ВОЛОГДА

Москва. 15.VI.1934.

Юный мой друг Александр Никанорович!

Сижу один за столом, все давно спят, а мне не спится: голова болит, очень переутомился за зиму и 18-го я с Марьей Ивановной еду на все лето в свое прекрасное Картино, не беру с собой ни одной папки с материалами для работы — беру только обрывки и тетрадки со стихами, а это не работа — это отдых души и сердца и голове покой: она у меня в поэзии не участвует, — стихов я не делаю, они сами рвутся и льются с пера, когда время приходит. «Роetas nascuntur», поэты рождаются, говорили в старину. Буду жить в поэзии. Какая красота кругом! Ранним летом особенно хорошо бывает утро, когда еще роса не ушла и кое-где, между деревьями, поднимается к небу нежный солнечный туман...

Описать такое утро,
И небес голубизну,
И эфира глубину
У художника пьют красок,
У поэта мало слов.
И вот через три дня я вырвусь из этой суеы по прекрасным тротуарам выросшей Москвы и буду блаженствовать с записной книжкой в руках в моей глуши, а —

Вокруг меня
орешник пышный
Обвивает нежный хмель,
Голубеют незабудки,
Глазки неба на земле.
Белки прыгают по веткам...
Остановятся... Глядят...

И вот здесь, у себя я буду проводить девятое лето подряд, но только буду видеть одну поэзию, как я решил уже. Буду дышать в первый раз в жизни целое лето без работы, в первый раз после 60 лет слитком непрерывной работы. И уже сейчас, на этом первом письме тебе, которое само пишется, я дышаю. Мне грежится мое детство беззаботное среди северных вологодских лесов, радостно вспоминаются наши лыжные зимы и ягодные, жаркие и короткие лета... Судьба меня бросила на Волгу, в степи задонские табунные, на Дунай, на Балканы, на Кавказ...

И с той поры я больше не видел прекрасного, то тихого, то грозно-морозного Севера — и вот сейчас только, в этом письме, предвкушая грядущее лето

отдыха, полного отдыха, уже заранее охваченный поэзией, я вдохновляюсь воскресаящими передо мной кусочками красного детства и первых дней юности, картинками, которые сейчас перед тобой, в твоём Шенкурске,
Зимой,
где ездят без оглобел
На лошадах
с ветвистыми рогами,
Где летом
голубеет гонобобель,
Где дремлют ели
под седыми мхами...

Там детство я провел.
Там родина моя...
Сиянье северное...
Волчий вой... Метели...
Корявые березки.
Купольные ели.
И снежной тишины
суровые края
Я как-то бросил.

Отдал юность я
С моим характером
тревожным, беспокойным
И приключениям, и войнам,
До старости мотался
по концам земли
От родины вдаль.
И вот теперь уж
на закате дней
Я вспоминаю
с детской радостью о ней.
Земляники-полянники
Ароматные долины,
Воздух свежий,
След медвежий
В диких зарослях малины...
Когда я начинал первую строчку, я, как всегда, не знал, что будет дальше, — и, как видишь, начинаю мое предполагаемое летнее увлечение, благодаря тебе, с моего детства. И как рад, что я в первый раз вспомнил за этим письмом все дорогое, давно забытое — и будто вот сейчас передо мной еще задолго до земляники желтеют луга — ты, на верное, их застанешь еще, эти золотые бубенчики, дикие розы холодного Севера. Я забыл, как их называли в детстве, а, помоему, это желтые розы Севера! Вот только сию минуту, на этой строчке я вспомнил, что у нас в деревнях называли земляника, поляница, брусница, голубица (гонобобель)... И так с детства я начинаю мои «Записки поэта»!

16.VI. Столешники
Милый Саша! Мария Ивановна шлет тебе привет, Надюша на дачу поехала... Все в порядке,

все хорошо, писатели кипят съездом — сегодня холодно (10°) и дождь после засухи. Тороплюсь послать письмо, чтобы оно застало тебя. Береги его и каждую пятилетку читай, чтобы не забыть нашу прекрасную родину, где зимой первое дело катаники! А я вот позабыл в теплых странах катаники, а письма такого, как это, мне никто не написал — и я забыл поэзию детства.

Передай мой сердечный привет и благодарность ей¹ за такого сына, друга моего, привет брату и сестрам — моим еще незнакомым, и кланяйся от меня и солнышку, и тучам, и лесам дремучим.

Твой дядя Гиляй.
Рад буду получить от тебя весточку и затем ждем тебя в Картине: Белорус. Балт. железной дор., ст. Тучково.

Друг мой дорогой Александр Никанорович!

Пишу карандашом — и чуть разбираю, что написал: за время болезни очень ослаб и зрение вместе ослабло. Голова еще усталая, но уже «котаважная мысль колобродит» — тянет меня к самой моей любимой книге «Мои скитания». Там и Москвы немало, а главное — степи табунные между Доном и Волгой, дававшие лучшую верховую лошадь на всю кавалерию. Теперь там гиганты-заводы, тракторы шумят по солончакам, а табунных таких уже нет. Сейчас май, лучшее время степи; табуны, еще недавно черными точками они кое-где мелькали по снеговой дали беспредельной, а в мае они разбивались на косяки от 10 до 20—30 голов в одноматные косяки маток с жеребятами и под управлением своего «Султана», косячного жеребца, носились по степи, как цветные клумбы.

Скоро ничего от степной старины ничего не останется из того, что когда-то здесь переживал и вспоминаю, как лучшие дни моей вольной юности.

Останется только — белая под снегом зимой и зеленая теперь степь курганов, указывающая прямой путь с востока на запад скифов. Их теперь уже не расцветят разноцветные косяки! Их нет.

И вот сейчас в моей голове роятся степные картины, и я их понемногу собираю для «Моих скитаний». Дам в них для степных колхозов кой-какие указания для сохранения степной верховой лошади, необходимой для кавалерии. Больше всего боюсь, что какой-нибудь поклонник рысака вздумает «улучшить» верховую лошадь рысаком и этим ее окончательно испортит! И многое другое.

Пока еще не много сделано, но книга будет еще интереснее, чем была. Я живу ей!

Все, что я считаю конченным, — это предисловие к ней в 5 строк — причем первую строчку после десятка дней работы над этими строками — нашел только вчера. Она понятна тебе и северянам, а остальные читатели поймут, прочитав в книге 1-ю главу «Детство».

Благодаря «Москве и москвичам» мне удалось узнать, как надо писать предисловия, а для моей любимой книги постараюсь превзойти себя, 1-я страница «Моих скитаний» будет иметь только

ОТ АВТОРА

Я рожден —
где СПЛОХИ ИГРАЛИ.
Дон и Волга

меня воспитали,
Жигулей непролазная крепь,
Снеговые.

ТАБУННЫЕ² дали,
Косяками расцветшая степь
И курганов извечная цепь.

Вл. Г.

...Пожав плечами, прочтет, может быть³, это мое предисловие, и только читая дальше будет возвращаться к нему — и расшифруется ему непонятное. Думаю, что так можно писать предисловия!

А я, друг мой, скучаю, ах как скучаю! Загляни на минутку. Вот сейчас ясный, светлый день, 2 часа, а я все-таки вижу все в тумане. Принесли газету, но буду читать только заглавия — буквы мне не ясны!

Какая жалость, что не могу проехать на метро! А ведь я был в 1-й шахте в первые дни ее работы, но меня оттуда сторож выгнал. А все-таки я был первый из литераторов!

¹ Подчеркнуто В. Гиляровским.
² Пропуск в рукописи.

³ Так в рукописи.